

Этот дом не бросался в глаза показным богатством. С виду — обычный дом на Таврической, только очень хорошо сохранившийся. Но при ближайшем рассмотрении можно было заметить фигурную плитку перед входом, явно бронированную дверь подъезда, плавно поворачивающуюся телекамеру над крыльцом. А входящих внутрь встречали охранник в пятнистой униформе, глядящий в экраны мониторов перед ним, и малиновый ковер на лестнице. Всякому человеку становилось ясно, что в этом доме живут не просто богатые люди, а умные богатые люди, которые не стремятся поразить других своим богатством.

Но всяких в этот дом не пускали.

Ранним июньским утром перед подъездом остановился красный фордовский микроавтобус с надписью «Цветы». Из него вышли высокая плечистая блондинка с блокнотом и худощавый молодой человек с огромным, тщательно упакованным букетом. Девушка остановилась на крыльце и, подняв глаза к телекамере, громко произнесла:

— «Цветы Голландии», заказ в четвертую квартиру, Софронову.

Охранник всмотрелся в экран монитора и нажал кнопку управления замком. Блондинка и ее спутник вошли в подъезд и приблизились к посту охранника.

— Цветы оставьте здесь. Софронов уже уехал.

— А как же с оплатой? — растерялась блондинка.

— Не бойсь, пупсик, здесь такие люди живут, что с оплатой проблем не бывает.

— Ну хорошо, — девушка задумалась, как бы выбирая правильное решение, — тогда хоть вы у меня в накладной распишитесь, что доставлены цветы, дата и подпись.

— Ну, давай, — охранник приоткрыл окошечко в своей прозрачной будке, — где тут роспись поставить?

Блондинка положила перед ним листок бумаги, достала из одного кармана кружевной платочек, а из другого — авторучку. Прикрыв платочком лицо, как будто собравшись чихнуть, она протянула охраннику ручку и нажала поршенок. Ручка с легким шипением выпустила чуть заметное серебристое облачко, охранник удивленно ахнул и упал лицом на стол с мониторами.

Блондинка осторожно вытащила свою накладную, ее спутник в два прыжка пересек холл, вернулся к микроавтобусу, забросил туда букет. Из автобуса выскочил еще один человек — рос-

лый, плечистый, в спортивной шапочке, натянутой до самых глаз. Худощавый цветочник остался дежурить в холле, а блондинка и спортсмен быстро и бесшумно поднялись на четвертый этаж. Блондинка достала из кармана маленькую универсальную отмычку и занялась замками. Замок был достаточно сложный. Девушка нетерпеливым движением сняла мешавший ей светлый парик и убрала его в заплечный мешок. Под париком волосы у нее были темные, коротко подстриженные. Она действовала быстро, точно и бесшумно. Напарник зачарованно следил за ее руками. Замок едва слышно щелкнул, дверь плавно отворилась.

Мужчина первым шагнул в квартиру. Держа перед собой пистолет с глушителем, он осмотрел просторный полупустой холл. Убедившись, что в холле никого нет, он махнул рукой напарнице. Та проскользнула следом за ним в квартиру и закрыла за собой дверь.

Все дальнейшее было молниеносно и страшно. Где-то под потолком раздался едва слышный шорох. Мужчина задрал голову и начал поднимать ствол, но не успел: на него тяжело, утробно крикнув, обрушилось что-то темное, бесформенное и тяжелое. Он успел ощутить отвратительный запах лука и перегара. Это было последнее в его жизни ощущение, потому что секунду спустя он уже лежал на полу с горлом, перерезанным от уха до уха отточенной, как бритва, финкой.

Его напарница развернулась на звук и вскинула пистолет, но она сделала это непростительно, смертельно медленно, всего лишь со скоростью атакующей кобры. Куда кобре до молнии! Когда она увидела свою цель, окровавленная финка уже летела через холл. Нажать на спуск она не успела — лезвие вонзилось чуть ниже левого уха, и свет в ее глазах померк.

— Ну что там, Мокушка? — послышался старческий голос из глубины квартиры.

— Да гости были, Корнеич, — ответил коренастый, сутулый, кривоногий мужик с широким рябым лицом, вытаскивая финку из раны и тщательно обтирая ее обрывками ветоши.

— Ну и как гости, Мокушка? Напоил ты их?

— Напоил, Корнеич, допьяна.

Мокушка неторопливо, чуть прихрамывая, пересек холл и вошел в большую, заставленную дорогой и безвкусной мебелью, комнату. Напротив двери сидел в инвалидном кресле огромный старик, похожий одновременно на иссеченный бурями утес и грозовую тучу. На коленях у него лежал американский короткоствольный карабин.

— Только на тебя, Мокушка, и могу положить... На тебя, да на себя самого.

— Да, Корнеич, молодые-то, что они могут... Ты мальчикам скажи, чтоб в передней-то прибрали, грязно там, гости наследили. И на лестнице, поди, еще гость торчит, своих дожидается, так и с ним покумекать надо...

— Скажу, Мокушка, скажу, на это и молодые годятся. А ты пойди, поспи — не спал небось...

— Да нет, спал я, а как гостей загодя учуял — тут уж подхватился.

— Хорошо тебе, Мокушка, спать можешь, а я вот все не сплю. Охотятся за мной шакалы эти поганые, хотят у старика последний кусок отобрать. Обложили как волка — ни вздохнуть, ни шевельнуться. Из дому давно не выхожу, теперь уж и к окну подойти нельзя, занавески и то не раздвинуть — враз через окно подстрелят. Нет старику покоя! Ну да ладно, и у меня пока зубы не обломаны, еще посмотрим, кто кого одолеет.

На двухэтажном типовом здании бывшего детского садика висела скромная медная табличка: «Спортивно-оздоровительный центр Аякс». Правда, мало кто мог прочесть это название — подойти к зданию мог далеко не каждый, а только тот, кого пропускали на территорию, прилегающую к «Аяксу», крепкие подтянутые ребята с традиционно бритыми затылками и столь же традиционно пустыми глазами. А пропускали они только тех, кого знали в лицо. На втором этаже «детского садика» в огромном, со вкусом обставленном антикварной мебелью кабинете, за длинным столом красного дерева шло совещание. Во главе стола сидел невзрачный худощавый человек в очках с тонкой золотой оправой, по виду финансист или экономист, и само совещание на-

поминало бы совет директоров банка, если бы не повестка дня. В повестке дня было столько крови, что выжми ее — и огромный кабинет затопило бы.

Посреди совещания его участников побеспокоил посторонний звук: на автостоянке рядом с садиком заработала автомобильная сигнализация. «Финансист», возглавляющий совещание, слегка поморщился и сделал едва заметный знак бровью тихому молодому человеку, почтительно застывшему у стены. Тот исчез на минуту, а вернувшись, что-то прошептал на ухо шефу. Шеф побагровел, что очень плохо сочеталось с его холеным лицом, и заорал на одного из участников:

— Ты, козел, мне клялся, что нанял профессионалов, что у нас проблем не будет и мы этого старого хрыча забудем, как звали! Так вот иди, заberi своих трепаных профессионалов! Они на стоянке в своем автобусе лежат, в мешки зашитые, а хрен старый сидит себе в своей каталке, посмеивается! Завтра об этом весь город будет знать, и мы не то что его территорию прибрать — свою потеряем! Ты, грязь болотная, дожدهшься, что я тебя самого старику в мешке пошлю на именины в подарок!

Человек, которому предназначались все эти громы и молнии, побледнел до зеленовато-мертвенного оттенка, но ответил достаточно твердо:

— Шеф, бригада была залетная, сами понимаете, местных на такое дело не пошлешь, но реко-

мендации у них были самые лучшие. Старик — твердый орешек, но у меня есть свой человек. Нигде не засвечен, действует очень нетрадиционно. Правда, нужна основательная подготовка.

— Время или деньги?

— Время.

— Время работает против нас. Ладно, даю тебе последний шанс реабилитироваться в моих глазах. Профессионалов своих залетных на стройку в бетон залей. Проколешься еще раз — там же будешь.

Женщина средних лет вошла в свой подъезд, вызвала лифт. Тяжелые сумки оттягивали руки, но ставить их на грязный пол лестничной площадки... нет, уж лучше потерпеть еще пару минут. Возле почтовых ящиков возился незнакомый худенький подросток в темной куртке с капюшоном. Лифт подъехал на удивление быстро, женщина вошла в него, хотела уже нажать кнопку своего третьего этажа, как вдруг подросток шмыгнул за ней в кабину. Женщина спросила, на какой ему этаж, он в ответ буркнул что-то неразборчивое. Она пожалала плечами и нажала свою кнопку — вряд ли ему ниже, и тут же забыла о нем, перебирая в уме необходимые покупки и платежи, прикидывая, как уложиться в зарплату. Вдруг резкая боль пронзила ее затылок, свет перед глазами померк и вовсе угас. Последняя мысль, промелькнувшая в ее мозгу, была — нет, с такими расходами в зарплату все равно не уложиться. На смену этой мысли пришла

тяжелая, пульсирующая боль, но скоро и она кончилась.

Пенсионер с шестого этажа безуспешно пытался вызвать лифт. Он прождал его минут двадцать, обругал хулиганов, которые опять нарочно не закрыли двери лифта, и потащился наверх пешком. По дороге ему трижды пришлось останавливаться и отдыхать, на четвертом этаже он положил под язык таблетку валидола и помянул недобрым словом очень длинный список людей, начиная с соседей и работников коммунального хозяйства и заканчивая президентом. На своем шестом этаже он свернул к лифту, чтобы посмотреть, что случилось с дверью, — и в глазах его потемнело: в дверях лифта лежала ничком женщина, не подававшая никаких признаков жизни, а пол вокруг ее головы был залит темной, начинавшей сворачиваться кровью.

Вера лежала, уткнувшись лицом в подушку. Слез уже не было, да ведь никакие слезы тут не помогут. Все было кончено. Ее жизнь, любовь, счастье, все, что она создала за эти годы, выброшено в помойку.

«Наверное, именно в этот момент люди кончают жизнь самоубийством, — подумала она. — Всем было бы лучше, если бы я умерла, и мне самой в первую очередь».

Но как это сделать? Повеситься? Где-то она читала, что повешенные представляют собой

ужасное зрелище. Ах да, Леонид Андреев, «Рассказ о семи повешенных». Она никогда не любила этого писателя, но, надо думать, он все правильно описал. Броситься в воду с моста? Она представила, как сейчас оденется, выйдет из дома, дойдет до Невы, будет долго стоять на мосту и смотреть на черную воду. Хватит ли у нее решимости? Вряд ли. Начало октября, вода ледяная. А вдрызг ее вытащат?

Нет, лучше всего отравиться, но чем? И она сама, и муж, и дети — все абсолютно здоровы, в доме нет никаких сильнодействующих лекарств. И снотворного нет. А если выпить упаковку димедрола, то сначала заболит живот, потом увидишь зеленого кота на оранжевом дереве, а потом в больнице промоют желудок и отпустят, обругают еще.

— Господи, какая чушь лезет в голову!

Вера села на кровати и включила бра. Второй час ночи. Мужа нет, и он не придет. Вот так расправилась с ней жизнь, одним ловким ударом. За что? Хороший вопрос.

Она всегда любила семью. Не кого-то отдельно, а в целом дом, Дом с большой буквы. И в это понятие она включала все — и воскресные завтраки всей семьей не спеша за большим кухонным столом, и тихие вечера перед телевизором, когда интересный фильм, а всем хочется чаю и лень вставать. Так она, Вера, принесет чай сюда, а фильм посмотрит завтра утром, его ведь по-

вторят. Любила она и свою квартиру, большую, удобную, которую отделявала и собирала любовно, по крошечке — и мебель, и занавески, ковер на пол, сервиз, салфетки. Все не спеша, спокойно прохаживаясь по магазинам, время у нее было, ведь на работу она никогда не ходила. Любила заниматься детьми, водить их в школу и в кружки. Воспитание детей всегда было на ней, ведь муж много работал.

Вера росла с бабушкой, потому что родители развелись, когда она была совсем маленькой, а потом каждый старательно устраивал свою жизнь, и ребенок им только мешал бы. Еще в детстве она решила, что у нее будет настоящая семья, и так оно и вышло. И когда родился первый ребенок, дочка, Вера твердо поняла — или семья, или работа. Она выбрала семью и никогда об этом не жалела. У них не было бабушек, и поэтому муж не возражал, когда Вера сказала, что не станет отдавать дочку в ясли, а будет сидеть с ней дома. Через три года родился сын, потом дочке подошло время идти в школу, потом — сын-первоклассник, а потом все уже так привыкли, что мама дома.

Летели годы, муж делал карьеру, Вера создавала ему крепкий тыл. Они никогда не ссорились, ведь дома его всегда ждал вкусный обед и ласковая жена. Кто же от такого счастья будет устраивать скандалы?

Во время перестройки муж очень удачно вписался в ситуацию, он вообще был человек дело-

вой и неглупый. И теперь у него своя, довольно крупная фирма, крепкое предприятие. За это время они поменяли квартиру и дачу построили — большой каменный дом, можно зимой жить. Дочка окончила институт, нашла хорошую работу, сын учится в Англии. Еще бы, Вера всегда приучала их к труду, а не к тому, чтобы до седых волос сидели у отца на шее.

«О чем я? — сама себя перебила Вера. — Это все в прошлом, ведь все кончилось в один день».

Какая банальная произошла с ней история. «Не ты первая, не ты последняя», — сказали бы житейски опытные соседки и привели бы штук десять подобных примеров.

Нельзя сказать, чтобы муж ее не любил. Наоборот, он всегда очень хорошо к ней относился. Но бывали у него в жизни другие женщины. Ненадолго, мимолетно — но бывали. Разумеется, Вера догадывалась, но старалась об этом не думать, тем более он всегда вел себя достойно. Но он был интересный мужчина, всегда одет с иголочки, его окружали молодые женщины — сотрудницы, секретарши, — и Вера смирилась. В конце концов, ну что такого ужасного? Ну, задержится он пару раз на неделе, иногда выдумает, что в субботу надо что-то срочно сделать, — разве это стоит того, чтобы все разрушить — дом, семью?

Нет, Вера смирилась, просто отгоняла от себя эти мысли. В последнее время муж ездил в от-

пуск на Канары, на Кипр, в Хургаду. Вера подозревала, что ездит он не один, но ничего не могла поделаться — ей после сорока врачи не рекомендовали солнце.

— Ничего страшного, — говорили врачи, — вы здоровы, но на юг лучше не надо.

Весной мужу исполнилось пятьдесят, и Вера успокоилась, но, как оказалось, зря. Летом она жила на даче — там цветы, ягоды и собаке на даче лучше. Тогда-то все и случилось. Теперь Вера ругает себя, что уехала на дачу, но что бы изменилось, если бы она сидела в городе и караулила мужа? Дело же не в этом.

На этот раз была не девчонка-секретарша, а женщина в районе тридцати. Где уж они познакомились, Вера не интересовалась, но дама круто взялась за дело и за лето сумела внушить ее мужу, что не только она не может жить без него, но и он без нее тоже. С ней-то все было ясно — тридцать лет, последний шанс подцепить обеспеченного человека, но муж...

Он потерял голову окончательно. Это тоже можно объяснить — обычный комплекс пятидесятилетнего мужчины, но неужели он так мало ценил ее, Веру? И дети...

— Боже! — Вера застонала.

На тридцатое сентября, ее именины, муж преподнес Вере подарочек. Сказал, что встретил другую женщину и хочет быть с ней. Он, конечно, был весьма благороден, собирался уйти к той,

другой, и оставить все Вере и детям. Вначале Вера была в шоке. Потом ей показалось, что если сделать вид, что ничего не случилось, то все как-то образуется само собой, у мужа пройдет эта блажь.

Но вот вчера они явились оба. Его девке не понравилось, что он все собирается оставить жене и детям, она решила действовать. Она пришла познакомиться и поговорить по-хорошему. Действовала она наверняка: если она добьется успеха, то все достанется ей, а если Вера сорвется и выгонит ее вон, то она будет страдающей стороной, и Верин муж поймет, с кем он жил все эти годы, и окончательно Веру бросит. Вера выдержала, не сорвалась, хотя та говорила ужасные вещи. Она представилась, мило улыбаясь, сказала, что очень сожалеет, но чувства сильнее ее.

Раз уж так случилось, сказала она, то давайте разберемся, как разумные люди. Виктор хочет уйти отсюда ко мне и начать новую жизнь. Я не против, но сами посудите, будет ли это справедливо — лишать его всего, к чему он привык за долгие годы. Она напрашивалась на скандал, но Вера не поддалась на провокацию. Есть очень удобный выход, продолжала девица. Вы переезжаете в мою однокомнатную, а деньги на жизнь мы вам будем выплачивать помесечно. Она так и сказала — «мы». Вера, не поверив своим ушам, оглянулась на мужа, он отводил глаза и угрюмо молчал. Хуже всего было то, что дочь, Ирина, встретила эту девку довольно приветливо. А по-

том, когда Вера в растерянности пробормотала, что надо спросить детей, согласятся ли они на такую замену, Ирка спокойно сказала:

— Я не против! — и все, больше у нее не было слов для матери.

Это добило Веру окончательно. Она сказала, что свяжется с сыном в Англии, и она была бы очень благодарна, если бы гостя покинула ее дом, ведь пока еще она, Вера, здесь хозяйка. Они ушли вместе с мужем, дочка тоже вышла погулять с собакой, а Вера закрылась в спальне.

Вот такие события с ней произошли. Оставалась надежда, что сын придет и вправит всем мозги. У них всегда были хорошие отношения, сын ее очень любил. Он не допустит, чтобы мать выгнали из дому.

Вера босиком прокралась в мужнин кабинет, открыла небольшой бар, нашла там на ощупь бутылку и глотнула прямо из горлышка. Это оказалось виски. Сначала было противно, но потом полегчало. Иначе ей не заснуть.

Вера проснулась от сигнала компьютера. Она вскочила, ведь это пришло письмо от сына электронной почтой. Когда Вера вышла из ванной, дочь сидела перед монитором.

— Что это? От Андрюши? — Она вглядывалась в английские буквы. — Ира, переведи мне.

— Тут все коротко. Ты написала, чтобы он прилетал, но что мы все здоровы.

— Да, чтобы он не волновался.

— Вот он и отвечает, что раз мы все живы-здоровы, то он приехать никак не может, чтобы мы уж как-нибудь сами разобрались со своими проблемами.

— Не может быть! — Вера увидела в конце подпись «Эндрю». Не «Андрей», а чужое «Эндрю».

«Если бы я умерла, он бы приехал!» — пронеслась мысль.

— Послушай, ты и правда считаешь, что будет наилучшим выходом, если я перееду в квартиру этой девицы?

— Ну конечно, мама, — усмехнулась дочь. — Ведь и правда несправедливо лишать папу всего, что он заработал.

— Это я создала этот дом! — не владея собой, закричала Вера. — Он вложил только деньги, а я — душу. А справедливо лишать всего меня?

— Так я и знала, что ты будешь цепляться за вещи, — пренебрежительно заметила Ирина.

«Она права, — подумала Вера, — к чему цепляться за вещи, когда все пошло прахом?»

— Но послушай, Ира, неужели я тебе совсем не нужна?

— При чем тут это? Решайте ваши проблемы с отцом, я не хочу вмешиваться.

«Я им не нужна, — поняла Вера, — вместо меня есть стиральная машина, микроволновка и пылесос».

Она опять ушла в спальню, но не легла, лежать она не привыкла. Надо что-то решать. По-

кончить жизнь самоубийством она всегда успеет. Надо уходить, но куда? Ни в какую квартиру этой девицы она не поедет, лучше действительно утопиться. У нее нет подруг, как-то в последнее время все разошлись, а из родственников есть в Луге старая тетка, да и то не родная, а двоюродная. Тетя Варя все время зовет в гости, у нее в Луге свой домик и живет она совсем одна. Вот и в последней открытке, которую она прислала к именинам, опять приглашает.

Вера порылась в ящике туалетного столика и нашла открытку. Можно поехать к тете Варе недельки на две, подумать там на досуге, посоветоваться с ней. Потом вернуться и решить все окончательно. Сейчас взять только небольшой чемодан с самым необходимым.

И последний вопрос: на что она будет жить? Вера достала из дальнего ящика коробочку изпод французских духов, в ней лежало две тысячи долларов. Это ей удалось отложить за последние месяцы. Конечно, у мужа были деньги в банке, и в фирму было вложено немало, но про эти доллары никто не знал. Вера и сама не знала, зачем она стала откладывать деньги тайком, а вот теперь пригодились. Никакой ежемесячной помощи она от мужа не примет. Конечно, эти деньги тоже заработаны мужем, ведь она, Вера, не работала, но какого черта!

— Все эти годы я работала поваром, уборщицей, детским воспитателем, медсестрой, когда

они болели, неужели за все это время я не заработала двух тысяч?

Вера быстро оделась, в коридоре ее уже ожидал боксер Мак, с ним никто не удосужился погулять. Вот, тоже еще тип, она, Вера, вырастила щенка, гуляла, кормила, даже делала уколы, когда он болел, а он выбрал хозяином мужа и никого кроме него не признает. Правда, милостиво разрешает с собой погулять.

— Пойдем, Маклай, сейчас пойдем.

На воздухе Вере стало лучше, они долго гуляли с Маком, потом быстренько пробежалась по магазинам — в Луге, конечно, есть все продукты, все-таки город, но с пустыми руками приезжать нехорошо. Вера купила килограмм ветчины, торт и еще всяких деликатесов.

Дома было тихо — Ирина ушла на работу, хотя нет, ведь сегодня суббота, значит, у Ирки шейпинг или солярий. Хорошо, что никого нет, можно спокойно собраться. Они с Маком вымыли лапы, потом Вера его покормила, сама выпила кофе. В раковине стояла грязная посуда еще с вечера.

— Ни за что не буду! — решительно произнесла Вера, но привычка взяла свое.

Оставив после себя чистую кухню, Вера прошла в спальню, чемодан она собрала за двадцать минут. Что взять из верхней одежды — плащ или пальто? В конце концов, она остановилась на плаще, а в чемодан сунула утепленную куртку. Ну вот, все готово. Вера надела свой любимый

розовато-сиреневый свитер с высоким воротником, а к нему темно-серые брюки. Чуть не забыла подарок. Еще год назад она собиралась к тете Варе, но так и не доехала. И еще тогда она купила тетке в подарок большой пуховый платок. Вера поискала на полке и рядом с платком обнаружила пакет с жакетом из черной ангорской шерсти. Она купила зачем-то, хотя черное ей никогда не шло, надела раза три и убрала. Вот и хорошо, тете Варе эта кофта как раз подойдет.

В результате получился довольно увесистый чемодан и тяжелая сумка с продуктами. Вера вынесла вещи в коридор и задумалась — не взять ли машину?

У мужа был «Мерседес», а Вера ездила на старом «жигуленке». Он все время ломался, муж не раз предлагал Вере купить что-то приличное, но Вера отказывалась. Если будет иномарка, машину станет брать дочь, а на это старье никто не претендует, Ирина ни за что не сядет в «Жигули» — не престижно! Вера использовала машину для хозяйственных нужд и ездила на ней нечасто. Ключи от машины лежали на столике у телефона.

«Нет, — подумала Вера, — ни к чему это. Раз решила ничего не брать, то и машину не надо, хотя она моя. Доеду до вокзала на такси».

В дверях заскрежетал ключ. Явился муж, слава богу, один.

— Ты куда это? — Он вытаращил глаза на чемодан.

— Я уезжаю к тете Варе погостить. Пока недели на две, а там посмотрим. Я позвоню или приеду за вещами. Если невтерпеж, можете обживаться в этой квартире, мне все равно. Простыни только не забудь перестелить! — не удержалась Вера напоследок.

— Что за демонстрации? — Муж повысил голос. — Прикидываешься бедной родственницей и будешь всем рассказывать, что тебя выгнали из дома? Ведь это был просто вариант, не хочешь — оставайся здесь, я уйду.

— Нет, Витя, они все правы, тут все твое, зачем же тебе уходить?

— Не будь ханжой, у тебя такой постный вид, как будто в монастырь собралась.

— Дурак! — не выдержала Вера.

«Господи, двадцать семь лет я прожила с совершенно чужим человеком! Нет, надо скорее уходить, а то совсем разругаемся».

— Я ухожу. У Мака мясо кончается, надо покупать. Из всего этого, — она обвела квартиру рукой, — я возьму только свою одежду и кое-какие безделушки на память. Последи, чтобы твоя новая жена не трогала пока мои вещи. А это, — Вера протянула ему ключи от «Жигулей», — я оставляю ей в качестве свадебного подарка.

Он сжал зубы так, что по скулам заходили желваки, но ничего не сказал, а Вера взяла вещи и вышла.

Поезда не пришлось долго ждать, народу в вагоне по осеннему времени было немного. Вера сидела одна, никто к ней не подсел. Это было хорошо, потому что в поезде на нее опять накати-лась жуткая тоска, и слезы текли всю дорогу. Еще неделю назад все было хорошо, у нее был дом, семья, дети и собака, а теперь не осталось нико-го, кроме старой тетки, которую она не видела уже лет пятнадцать. Как же так получилось, по-чему? Ответа у нее не было.

Незаметно прошли два с половиной часа до-роги. Вера поглядела на себя в маленькое зерка-ло и ужаснулась — на нее смотрело совершенно чужое измученное лицо. Еще бы, прореветь всю дорогу! Она припудрила нос, подкрасила губы и туго заколола волосы, уложить их с утра не было никакой возможности — после всех пережива-ний волосы висели как пакля. Для тети Вари она и такая хороша!

У вокзала в Луге она спросила дорогу, проеха-ла несколько остановок на автобусе, нашла нуж-ную улицу на самой окраине города. За 15 лет здесь мало что изменилось. Маленький переуло-чек был застроен деревянными частными дома-ми. Вот калитка с почтовым ящиком. Вера от-крыла ее и смело прошла во двор — вряд ли у тети Вари злая собака.

— Есть кто дома?

— Сюда проходите, — раздался голос из-за угла.

Вера пролезла сквозь кусты сирени, они еще были с листьями, ведь хоть и октябрь, но заморозков не было, и оказалась в маленьком цветнике. В одном углу цвел куст желтых георгинов, они называются «золотые шары». Рядом остались георгины темно-красные, они уже немного завяли, но выглядели привлекательно. А на клумбе росли осенние цветы — желтые, оранжевые, красные — и еще какие-то круглые кустики, усыпанные розовыми звездочками. У забора раскинулись кусты шиповника, они уже отцвели, и теперь ярко-оранжевые плоды красиво выделялись на зеленом фоне. Со стороны улицы у штакетника стоял пышный багряный клен и ронял свои листья в маленький садик.

«Как в «Снежной королеве» в саду у доброй волшебницы, — подумала Вера, — вокруг уже осень, а у нее в саду все цветет по-прежнему. А вот и сама волшебница».

Пожилая женщина поднялась с колен, она что-то делала с астрами и, щурясь, смотрела на Веру, не узнавая.

— Здравствуйте, вам кого?

— Тетя Варя, — голос у Веры дрогнул.

— Господи, Верочка, а я против солнца не вижу, — старушка всплеснула руками, — я бы тебя обязательно узнала.

— Я бы тебя тоже узнала, ты на бабушку похожа, какой я ее помню.

— Ну пойдем в дом скорее. Ты одна приехала?

— Одна. И, тетя Варя, можно я у тебя поживу немножко?

— Случилось что-нибудь, Верочка?

Вера помедлила с ответом.

— Ладно, потом расскажешь.

«Обязательно расскажу», — подумала Вера.

Они прошли в дом, разобрали сумку с продуктами, тетя Вера ахала, говорила, зачем столько всего.

— Знаешь что, Вера, давай гостей позовем, нам столько продуктов и за год не съесть.

Вера хотела было отказаться, но подумала, как хочется тете Варе пригласить гостей и как редко она может себе это позволить, ведь пенсия-то небольшая, поэтому согласилась.

Пришли две-три старушки-соседки, семейная пара средних лет, коллеги тети Вари по школе, ведь тетя Варя была учительницей русского языка раньше, а теперь давно на пенсии. Последним явился дородный мужчина с длинными седыми волосами. Оказалось, местный священник отец Валентин.

«Как будто в пьесе Чехова, — думала Вера, глядя на эту компанию, — священник, учителя, тетя Варя, а врача нет?»

— Вон Мария Семеновна, акушерка, бывшая, конечно.

Разговор шел о школе. Оказалось, тетя Варя школу не бросила, подрабатывает там на полставки библиотекарем, а еще подтягивает двоичников по русскому языку, причем денег за это

принципиально не берет, за что коллеги ее осуждали. Потом возник спор о литературе, Вера все больше молчала, слушала. Наконец, гости ушли. Вера с тетей Варей мыли посуду.

— Совсем другой мир, — говорила Вера, — в городе все не так. Тетя Варя, трудно было привыкнуть к переменам?

— А что у нас изменилось? Пушкин, Лермонтов? Правописание корней кос-кас?

— А в последнем классе, советская литература?

— А кстати, знаешь, — старушка оживилась, — всего лишь лет пять назад я открыла для себя Платонова. Удивительный писатель, удивительный! Ты читала?

— Нет, но обязательно прочитаю, завтра же начну.

Когда улеглись, Вера заснула легко, подумав перед сном, что за весь вечер ни разу не вспомнила о своем несчастье.

Так прошло три дня. Они с тетей Варей обсудили Верины неприятности, причем тетя Варя уговаривала Веру не рубить сплеча, а как следует подумать, сходили на кладбище на могилку к бабушке.

Тетя Варя ушла в библиотеку. Вера сидела у окна с книгой на коленях и смотрела в сад. Так и жить тут, думала она. Книги, цветы, тетя Варя найдет ей какую-нибудь малооплачиваемую работу в школе или еще где-нибудь. Те две тысячи тратить экономно, хватит на год или больше.

Купить краски, обои, печку побелить, окна покрасить, пока тепло. А они пусть там как хотят без нее. Тут тихо, спокойно, зимой печку топить, вязать, летом огород, грибы-ягоды. Она лет десять не была в лесу. Здесь, в Луге, леса сосновые, солнцем нагретые, пахнут как в раю...

Пришла тетя Варя из своей библиотеки и разбудила Веру.

— Что это со мной? Никогда я днем не спала, даже в детстве бабушка со мной мучилась.

— Это от воздуха, Веруша. Воздух у нас такой. Давай чай пить.

К вечеру пошел дождь, но все равно было приятно сидеть у печки и слушать, как капли стучат по крыше. Проехала машина, залаяла соседская собака, потом раздался стук в дверь.

— Хозяева, дома ли?

Тетя Варя вглядывалась в темноту.

— Судя по голосу, это наш местный полицейский. Иду, Алеша, иду!

Через открытую дверь в сени Вера видела, как вошел молодой парень в штатском и еще двое.

— Здравствуйте, Варвара Михайловна! — смущаясь, сказал Алексей. — Мы вообще-то не к вам, нам ваша гостья нужна.

У Веры глухо ухнуло сердце — что-то случилось. Она поднялась и на ватных ногах пошла в сени.

— Вы Вересова Вера Константиновна? — спросил один из сопровождавших Алексея мужчин. — Предъявите, пожалуйста, паспорт.

Дрожащими руками Вера показала им паспорт.

— Вам придется проехать с нами.

— Куда?

— В город, мы из Санкт-Петербурга.

— А как вы меня нашли? — тупо спросила Вера. — Ах да, через местную полицию.

— Собирайтесь, Вера Константиновна, время дорого.

— Но вы можете, по крайней мере, мне сказать, в чем меня обвиняют?

— Вас пока ни в чем не обвиняют, а будут допрашивать, как свидетеля.

— Но что случилось? Объясните же!

— Хорошо. Это ваша машина, «Жигули»? — Он назвал номер.

— Да моя, вернее, моего мужа, но я несколько лет ездила на ней по доверенности. Что-то с машиной?

— А вам знакома такая Людмила Шитова?

— Да, это... это любовница моего мужа, они собирались пожениться. Она попала в аварию, когда ехала на машине?

— Поехать она, собственно, не успела. Когда она включила зажигание, раздался взрыв, взорвалась ваша машина и еще две рядом. Жертв, кроме Шитовой, больше не было.

— Она умерла? — спросила Вера не своим голосом.

— На месте.

— Это несчастный случай?

— Да нет, эксперты обнаружили в машине остатки взрывного устройства. А теперь поехали, гражданка Вересова, ночь на дворе.

В машине Вера молчала, опера тоже не тревожили ее вопросами. Сначала Вера переживала, что машину все-таки могла взять дочь именно в этот день, потом, что рядом в сгоревших машинах могли быть люди, и только в конце пути на подъезде к городу до нее дошло, что полиция, да и муж тоже считают, что это она подсунула в машину бомбу, чтобы отомстить своей сопернице. Ведь она сама отдала мужу ключи от машины. Господи, что же теперь делать!

Опера привезли Веру в полицию поздно ночью и там же допросили, чтобы два раза не ездить. Вера честно рассказала им, почему она уехала в Лугу и какие чувства она испытывала к покойной Людмиле Шитовой. Но опера больше расспрашивали про машину, когда она последний раз на ней ездила и не давала ли ключи посторонним. Вера припомнила, что на машине она ездила довольно давно, когда перед именинами тридцатого сентября покупала продукты к праздничному столу.

— И послушайте, я понимаю, что вы мне не поверите, когда я скажу, что ничего не понимаю во взрывных устройствах, у меня нет никакого специального образования, полиграфический

техникум — и все. Но до тридцатого сентября я и слыхом не слыхивала ни о какой Людмиле Шитовой, муж сказал мне про их отношения именно тридцатого сентября. А после тридцатого я к машине не подходила, сторож на стоянке может подтвердить.

В конце концов, опера ее отпустили не потому, что поверили, а потому что у них в голове не укладывалось, как может немолодая домохозяйка известить соперницу посредством взрывного устройства в собственной машине. Не было в их практике такого случая — и все тут!

Домой Вера добралась под утро. Она открыла дверь своим ключом, гавкнул Мак спросонья. На шум вышел муж, небритый, помятый, но одетый, видно, так и заснул на диване в гостиной.

— Здравствуй, Виктор, я только что из полиции.

— Тебя отпустили? — удивился он.

— А почему меня должны были задержать? — в свою очередь, удивилась Вера.

— Тебя отпустили, несмотря ни на что? — не слушая, повторил он.

— Виктор, опомнись, ты что думаешь, что это я подложила бомбу в машину? Даже полиция не поверила, а ты меня знаешь столько лет!

— Я не знаю, что я должен думать. Ты отдала мне ключи, она села в машину и взорвалась. Машина твоя, а ее ты ненавидела.

— Значит, ты и правда так думаешь... — задумчиво проговорила Вера. — А знаешь, чего я тебе никогда не прощу? Не того, что ты меня бросил, и не того, что собирался привести в эту квартиру свою девку и спать с ней в моей постели. А вот этого, что ты поверил, что я могла ее убить. Я бы про тебя ни во что такое не поверила. И сказать еще? Я рада, что она умерла. Я в этом не виновата, но я рада. Не потому, что я ее ненавидела, много чести. А потому, что тебе теперь так же плохо, как мне.

Надежда шла по улице, с любопытством оглядываясь по сторонам. Ее давняя приятельница с работы собралась покупать квартиру и попросила Надежду поехать с ней и посмотреть, потому что район, где находилась квартира, Надежда хорошо знала, когда-то жила там несколько лет.

Квартира приятельнице не понравилась, и она умчалась по своим делам, а Надежда решила пройтись, не спеша, по улицам и посмотреть, как все изменилось, а то когда еще сюда попадешь. Была середина октября, бабье лето в этом году позднее, погода располагала к прогулке. Улица называлась Курляндская. А вот и дом, где они жили семь лет с первым мужем и маленькой Аленой. Как много прошло времени с тех пор, Алена уже взрослая, сама мама, у нее, Надежды, есть внучка Света пяти лет. Вот в этом скверике они гуляли с Аленой совсем маленькой, а через

эту дыру в заборе они проходили в Аленин садик. А школа по другую сторону двора, но Алена в нее не ходила, потому что они переехали. С мужем Надежда развелась, и они разменяли квартиру. Перед ее мысленным взором промелькнули семь лет жизни здесь, в этом районе. Особенно вспоминать было нечего — в ее жизни тогда было мало хорошего — сначала легкое недоумение от того, что они с мужем оказались такими разными, потом, после рождения ребенка, от усталости и бессонных ночей накопилось раздражение, потом пошли ссоры, а последний год они прожили рядом как посторонние люди, даже не ругались. Да, вспомнить-то оказалось нечего.

Муж Надежды вскоре после развода женился, на этот раз удачно, а Надежда ждала пятнадцать лет, пока не встретила своего, настоящего. Шестой год она замужем и живет счастливо, о другом муже и не мечтает.

Навстречу Надежде шла молодая женщина, рядом на трехколесном велосипеде ехал мальчик лет четырех.

«Как похожа на Любу! — подумала Надежда. — Те же светлые волосы, нос курносый, веснушки, крупная, но не толстая. Это потом Люба располнела, а когда мы с ней вместе гуляли с девочками маленькими, она как раз такая была. Да ведь это, наверное, и есть ее дочка, по возрасту подходит».

— Маша! — закричала Надежда.

Женщина обернулась.

— Машенька, ты меня не помнишь, я Алена мама, вы в садик вместе ходили, когда мы здесь жили, хотя столько времени прошло...

— Помню Алену, — слабо улыбнулась Маша, — здравствуйте, тетя Надя.

— А вы так здесь и живете? Ты сама мамой стала, у Алены тоже дочка, а как мама, Люба-то как?

У Маши по щекам покатались крупные слезы, она их не вытирала.

— Мама умерла.

— Да что ты! — ахнула Надежда. — Когда же?

— Завтра будет две недели.

— А как же все случилось? Она что, болела?

— Нет... шла вечером, не поздно даже, кто-то в лифте ударил ее по голове, наверное, деньги отобрать хотели. Только не взяли сумку, видно, спугнул их кто-то. А потом сосед с шестого этажа подходит к лифту, а мама там... Пока «Скорую» вызвали, пока довезли, она в дороге умерла.

Надежда, потрясенная, молчала.

— Господи, кошмар какой, что на свете делается! Как же ты теперь?

— Муж работает, я работаю в роддоме на Огородникова.

— Там, где мы с мамой вас рожали.

— Да, Гриша в садик ходит тот же самый. Приходите, тетя Надя, на сорок дней маминых.

— Приду, позвоню накануне и приду. У вас телефон тот же?

— Да, не менялся.

Надежда поцеловала маленького Гришу и пошла на троллейбус. Гулять ей расхотелось.

Она ехала в метро и вспоминала Любу. Простая милая женщина, всегда была веселой, не унывала. С образованием у нее, конечно, было не очень, приехала из деревни, здесь вышла замуж, мужу дали комнату. Познакомились они с Надеждой в роддоме, так получилось, что обеим пришлось там пролежать две недели. Потом оказалось, что живут они в соседних домах, так и встречались во дворе да в скверике. У Надежды с кормлением грудью было не очень, на всю жизнь запомнит она этот кошмар, а через три месяца молоко и вовсе пропало. А у Любы молока было на троих детей, поэтому она просто велела Надежде приносить Алену днем к ней домой. Так Надежда и таскала ребенка несколько месяцев, благо дома рядом. И выходит, что Маша с Аленой молочные сестры.

Вера, Надежда, Любовь... Да, была еще Вера тоже там, в роддоме. Доктор Алексей Иванович не уставал удивляться такому совпадению. И у всех троих были девочки. С Верой Надежда дружила долго, только последние несколько лет перестали они перезваниваться. Муж у Веры разбогател, и как-то стали они вращаться в разных плоскостях. Пожалуй, Вера и не знает, что Надежда замужем.

— Позвоню-ка я Вере, — решила Надежда, —

расскажу про Любу, поболтаем, может, легче станет на душе. А то сердце не на месте. Какая ужасная смерть!

Надежда открыла дверь своим ключом. Пока она возилась с дверью, из прихожей слышался какой-то шум и возня. Все ясно: кот опять устроил какую-то пакость!

Так и есть: обои у дверного косяка были ободраны, и пол усеян маленькими клочками.

— Ну какой негодяй! — простонала Надежда. — Ведь недавно коридор поклеили, несколько месяцев всего.

Она проскочила в комнату, где огромный рыже-полосатый кот с белыми лапами лежал на диване и делал вид, что спит.

— Не притворяйся, паршивец! Я все равно видела, что ты драл обои. Бейсик, я с тобой разговариваю!

Бейсик открыл глаза и недоуменно посмотрел на хозяйку.

«Это ты мне»? — говорил его взгляд.

— Мерзавец ты и все.

В дверь заглянула соседка Мария Петровна.

— Надя, ты дома? А что это у тебя дверь открыта? Кот не убежит?

— Убежит он, как же! Вон поглядите, что устроил, недавно же обои переклеивали.

— Носом надо тыкать! — глубокомысленно изрекла Мария Петровна.

Надежда схватила кота, вынесла его в коридор и стала тыкать в кучу обойных клочков. Бейсик молча вырывался, потом изловчился, цапнул Надежду за руку и отскочил в сторону.

— Будешь еще обои драть, рыжий негодяй? — закричала Надежда.

Бейсик выгнул спину и сказал «Мур-м-м», что означало «Буду обязательно».

Надежда засмеялась:

— Что уж тут сделаешь? Это Саша его распустил, все ему позволяет.

Мария Петровна покачала головой и ушла. Надежда убрала в коридоре, начистила картошки к ужину, вымыла овощи для салата, Бейсика кормить не стала из воспитательных соображений, а потом вспомнила, что собиралась позвонить Вере. Она порылась в старой записной книжке, там был телефон, но не тот, да, они же поменяли квартиру. Пришлось искать телефон по справке, хорошо, что он оказался оформленным на Веру, а не на ее мужа. После таких сложных поисков нельзя было не позвонить. Надежда набрала номер, ответил женский голос.

— Алло, это Вера?

— Что вам угодно?

— Мне нужна Вера, Вера Вересова.

— Я вас слушаю, — а голос какой-то чужой.

— Вера, это Надя. Мы с тобой давно не виделись, ты помнишь меня?

— Я помню. Случилось что-нибудь? — довольно равнодушно спросила Вера.

Надежда немного растерялась.

— Вера, может быть, я не вовремя, у тебя голос какой-то не такой?

— Да нет, Надя, что ты.

— А я хотела сказать. Ты помнишь Любу? Ну там, в роддоме. Так я сегодня узнала, что она умерла.

— Болела?

— Нет, ее убили. Что ты молчишь?

— Ох, Надя, мне сейчас еще, может, хуже, чем Любе!

— Да что ты говоришь? Все здоровы у тебя?

— Все здоровы, — с горечью ответила Вера, — да только никому от этого не легче.

— Знаешь что, Вера, завтра суббота, у меня муж работает, а ты приезжай ко мне. Любу помянем, поговорим. Обойдутся твои без тебя полдня!

— Да они и совсем без меня обойдутся.

— Вот и приезжай. А то видишь, как с Любой получилось. Я все собиралась ей позвонить, да откладывала, вот и дооткладывалась.

Тут Надежда заметила, что в прихожей стоит вернувшийся с работы муж, а Бейсик ходит рядом — хвост трубой — и уже успел наябедничать мужу, как Надежда тыкала его носом в обои.

— Вот видишь, Надя, какая история, — Вера помешивала ложечкой остывший чай. — Муж со мной не разговаривает, вечерами выпивать на-

чал. Я дома машинально все делаю, с собакой гуляю, иногда думаю — зачем все? Уехала бы к тете Варе, так полиция не пускает.

— А что, полиция что-нибудь делает? Ищет того, кто бомбу подложил?

— Да темнят они что-то. Следователь из меня всю душу вытянул. Но ты-то хоть веришь, что я этого не делала?

— Господь с тобой, Вера, конечно, верю! Ведь это не представить, чтобы где-то взрывное устройство достать и в машину присобачить. У меня хоть и высшее техническое образование, двадцать пять лет инженером проработала, а все равно ни за что не догадаюсь, как это сделать.

— Вот и я говорю следователю, что такое только в кино видела, а он молчит.

— Может, он думает, что ты киллера наняла?

— Вот и пусть доказывает, а только не нанимала я киллера! Он говорит: кто мог знать, что она на той машине поедет? Мой муж и я. Главное, муж сам ее на стоянку отвел, машину показал, сказал, что доверенность переоформит. А ей, видно, невтерпеж было ждать, вот и...

— Н-да-а, но послушай, Вера, а не могло так быть, что кто-то эту бомбу против тебя заложил? Ты уж прости, что я так прямо выражаюсь.

— Спрашивал про это следователь, нет ли у меня врагов, не хотел ли кто от меня избавиться? Я и отвечаю, что избавиться от меня хотела эта самая Людмила Шитова. Так что, она взрыв-